

(К 15-летию со дня смерти)

Салих БАТТАЛ

ПОЧТОВАЯ МАРКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДЖАЛИЛЯ

Мы в юности были засняты вдвоем,
Висит эта карточка в доме моем...

На западе и на востоке страны
Связала одна нас дорога войны.

Как луч просветления после грозы,
Мне письма идут с силуэтом Мусы.

Зачем же ты сам не приходишь живой?
Зачем я на марке не вместе с тобой?..

По-прежнему фото висит на стене.
Ты вышел отлично и по сердцу мне.

На марке почтовой твой взгляд не угас.
Недаром он мрачные своды потряс,

В фашистском застенке мой брат Абдулла *)
Шел вместе с тобой на большие дела.

Друзьям по оружию — твой и мой —
Читал он стихи о борьбе и любви.

Так значит с тобой мы были всегда,
Среднили нас юность, огонь и беда.

Соратники и ветераны войны,
В твоём силуэте мы отражены.

Перевод с татарского
Г. ПАУШКИН.

*) Абдулла Баттал казнен вместе с Мусой Джалилем гестаповцами.

25 АВГ 1959

Советская Татария
г. Казань

Сыны Отчизны

Из воспоминаний члена
подпольной антифашистской
организации

В один из январских дней 1943 года пошел я в лагерную столовую. Чернявый парень с венчиком в руках подметал пол. «Здравствуй, товарищ!». Он, не радостно взглянув, ответил на приветствие.

Так я познакомился с Гайнаном Курмашевым. Учитель по профессии, он был до войны директором Актубинской средней школы, преподавал там физику. Наша встреча крепла день ото дня. Вскоре он познакомил меня с узниками Зиннатом Хасановым и Абдуллой Батталовым. Особенно сдружился мы с последним.

Тогда же я услышал и стихи Гайнана Курмашева. Мужественные, проникнутые верой в советский народ, они помогали нам жить и бороться. Долго мы обдумывали план бегства из Демблинского лагеря к партизанам. Но осуществить побег из сильно укрепленной и охраняемой крепости было невозможно.

В это невеселое время в лагере появился человек среднего роста, в черном костюме, с макинтошем в руках. Это был Муса Джалиль. С ним приехал и эмигрант Шафи Алмаз.

Джалиль и Курмашев встретились весьма дружески. Затем Курмашев познакомил меня с Мусой. Однако я еще не знал, что человек, с которым встретился, и есть Джалиль. Неизвестны были мне и цели его приезда в крепость Демблин. Только после отъезда поэта из лагеря я узнал его настоящее имя... А спустя несколько дней Гайнан Курмашев сообщил нам о своем разговоре с Джалилем.

Гайнан сообщил, что в лагере Радоме создана группа артистов, выступающих на татарском языке. В то время я впервые услышал о существовании подпольной организации, созданной Джалилем, и о том, что Мусе нужны надежные, верные люди. Под видом певцов, музыкантов, актеров они должны были включиться в число членов труппы для маскировки. Опираясь на этих людей, Муса решил в противоборстве лживой немецкой пропаганде вести пропаганду борьбы и мужества среди узников. Вскоре наши товарищи — Зиннат Хасанов и Абдулла Батталов ушли в труппу, стали «артистами». Об этом рассказал мне однажды Курмашев, когда я лежал в лазарете.

Вторично Джалиль появился в крепости с немецким офицером. 15 мая 1943 года он, Курмашев и я вели следующий разговор:

— Ну, как? — спросил Муса. (Речь шла о вступлении в татарский легион).

— Ну, ответь, как, Фарид? — сказал Курмашев с болью. — Служить в легионе? Стать изменником Родины?

— А мне каково? — только и спросил Муса. И стал горячо объяснять, каким мучительным был этот путь для него. Услышали мы о пытках и мучениях, которым подвергался поэт за отказ служить фашистам, и о решении вести борьбу изнутри, борьбу не на жизнь, а на смерть.

— Правда о нас дойдет до Отчизны! Ее нельзя скрыть даже за стенами темниц.

Навсегда запомнил я эти слова поэта.

Вместе с Хасановым и Батталовым я был включен в труппу и переведен в Радомский лагерь. Здесь же в конце мая Гайнан Курмашев, Зиннат Хасанов, я и Абдулла Батталов дали клятву верности нашему делу. Вот она, эта клятва:

«Клянусь: беспрекословно выполнять любые приказы командира; всем сердцем служить Родине, хранить в тайне существование подпольной организации и имена ее членов, несмотря ни на какие трудности, преследования и пытки. Того,

кто нарушит эту клятву, считать предателем Родины».

После этого Муса Джалиль разъяснил нам задачи. В числе их были помощь в организации бегства советских военнопленных, антифашистская пропаганда и агитация в лагере. На этом же совещании (если так можно назвать встречу четверых единомышленников) по рекомендации Курмашева Зиннат Хасанов и мне была поручена доставка листовок от А. Алиша. Мы должны были также распространять их среди членов легиона. После этого Муса уехал в Берлин.

В начале июня труппа артистов была направлена в Уэйдом, чтобы выступить там с несколькими концертами. Мы рассчитывали во время этой поездки познакомиться с членами берлинской подпольной организации и получить от них листовки. Встретил нас в Берлине сам Муса. Вечером мы пошли в кино, а после картины Джалиль повел на квартиру к Алишу. Это была моя первая встреча с писателем. Мы проговорили около часа.

На следующий день вместе с Мусой Джалилем и с каким-то немецким офицером выехали в Уэйдом — небольшое местечко на берегу Балтийского моря, в 150 километрах от Берлина. Здесь пробыли семь дней, выступали с концертами. Муса также был все эти дни с нами, читал свои стихи.

Здесь Муса начал писать пьесу «Шурале». Курмашев закончил пьесу «Дочь Родины».

Когда мы возвращались обратно, в Берлине была двухдневная остановка. В зоопарк и в другие экскурсии нас водили некий Солтан (верный человек Шафи Алмаза) и немецкий офицер. Немцы всячески заигрывали с легионерами, стремясь привлечь их на свою сторону. Был с нами и Джалиль. После посещения зоопарка Курмашев, Хасанов, Батталов и я пошли на квартиру Алиша. Там Алиш познакомил нас с Ахметом Симаевым. Курмашев сказал Алишу: «Заглянем к тебе завтра вечером». Эта фраза означала — приготовь листовки. На другой день получили их, а потом доставили в Радом и спрятали в лесу. Ночью мы расклеили листовки каждый на своем участке. Обычно распространяли их после концертов, когда в лагере было меньше немцев.

В конце 1942 года Муса был доставлен в Берлин. Здесь он работал в пропагандистском отделе, отдавая все силы созданию подпольной антифашистской организации. К началу 1943 года она была организована. В нее вошли Абдулла Алиш, Ахмет

Симаев, Гариф Шабаев, Фоат Булатов и другие. После того, как первый батальон легионеров, отправленный на фронт, перешел на сторону Советской Армии, вести пропаганду стало трудно. Требовалась большая осторожность. Но нужно было расширять организацию. С 15 мая 1943 года Муса Джалиль берет за создание тайной группы в Радоме.

Для членов татарско-башкирского легиона в Берлине издавалась газета «Волга—Урал», в редакции и типографии которой работали Абдулла Алиш, Ахмет Симаев, Фоат Булатов, Гариф Шабаев и другие. Иногда в газету «случайно» попадали антифашистские статьи и стихи. В типографии тайно печатались листовки.

Мы звали Джалиля по кличке «Беркут». Алиш был правым крылом его, Курмаш — левым. В конце июня немцы хотели отправить расположившийся в Крушине третий батальон на фронт. По поручению Джалиля руководитель подпольной группы Абдуллин должен был перейти к своим и передать список подпольщиков советскому командованию.

В начале июля Муса прибыл в Радом и сообщил, что батальон на фронт не отправится. Немцы использовали его на охране эшелонов.

Вскоре решено было готовить вооруженное восстание. Муса отправил пятерых соратников для связи с партизанами и Советской Армией.

В конце июля — начале августа Джалиль снова прибыл в Радом якобы для подготовки к постановке своей пьесы «Шурале». Это был повод для обмана немцев. Муса провел несколько совещаний с подпольщиками, где говорил о том, что настало время восстания.

— Нам остается единственный путь, — сказал тогда Муса Джалиль, — или победа, или смерть! После восстания легиону предстояло соединиться с партизанами и проживать на соединении с Советской Армией. Но 10 августа 1943 года Джалиль и его соратники были схвачены гестаповцами. Эту страшную весть мы услышали только в берлинской тюрьме. Вскоре была схвачена и радомская группа. В тюрьмах Берлина и Варшавы подпольщики подвергались чудовищным пыткам, но никто не нарушил клятвы. Во имя Родины, во имя свободы они шли на все.

Фарид СУЛТАНБЕКОВ.

ТАКИМ Я ЕГО ПОМНЮ

Мне хочется рассказать о двух веселых эпизодах, связанных с Мусой Джалилем. Это было в то время, когда мы работали в татарской оперной студии при Московской консерватории. Однажды назначили заседание по вопросу о репертуаре и создании оперных либретто. Докладчиком должен был выступить заведующий литературной частью Муса Джалиль. Люди собрались, а Мусы нет. Прошло десять минут, затем двадцать, и, естественно, одни начали возмущаться, а другие поднимались и уходили. Я объяснил товарищам, что Муса наверняка впал в характерную для него «творческую рассеянность», спокойно сидит у себя и пишет, а вывести его из этого состояния нельзя: не работает телефон. Тут остроумный Ахмет Файзи задал мне вопрос:

— А он знает, что заседание назначено на 12 часов?

— Конечно. Я сам лично его предупредил.

— В таком случае вы сами повинны в его опоздании.

— То есть как?

— Вы же знаете, что он рассеян даже больше, чем я. Надо было при-

гласить его к 10 часам, он бы наверняка подошел к 12.

Мы решили перенести совещание на два часа следующего дня. Оставшиеся товарищи завели веселый творческий разговор, который может быть только между поэтами и композиторами. Вдруг тихо открывается дверь. Появляются носки коричневых ботинок, затем с пухлым портфелем сам Муса. Вид у него рассеянный, левый глаз несколько блуждает, а это явный признак, что он взволнован. Смотрю на часы: ровно два. Общій хохот. Значит, Ахмет Файзи прав. Муса виновато извиняется и объясняет, что очень сильно увлекся переводом либретто оперы «Свадьба Фигаро» и к тому же у него стрелки часов влюбились в цифру 10. Посмеялись и объяснили ему, что заседание переносится. Тут Ахмет Файзи добавил:

— Ровно в 12!

Мы молча переглянулись, но никто не поправил его. Решили испытать Мусу.

Я являюсь в кабинет за двадцать минут до назначенного времени и обнаруживаю на столе записку, написанную рукой Джалиля: «Пришел

ровно к 12-ти. Ждал 30 минут. Поднимаюсь на пятый этаж. Буду в классе Литинского. Когда соберетесь, пусть Ахмет Файзи поднимется за мной, хотя лифт и не работает».

Так отомстил нам Муса. Осенняя Казань 1939 года. Я за работой. Слышу телефонный звонок. Подходит жена. С кем-то говорит. Потом объясняет мне:

— Муса звонил. Попросил разрешения сегодня вечером зайти к нам с Хаят ханум. Что бы это значило?

— Ты, наверное, ослышалась, наверное, с Амине ханум?

— Нет, я даже переспросила и намекнула, что не совсем подготовлена к приему незнакомой особы, а он говорит: «Ничего, ничего вы ее узнаете, а может, и полюбите».

Мы с женой в недоумении, но ничего не подлаещь.

Наступил вечер. Ждем. Звонок. Со своей красивой улыбкой входит Муса. Дверь осталась приоткрытой. Ждем неизвестную, очевидно, стеснительную особу.

— Где же Хаят ханум?

— Она со мной.

Я заглядываю за дверь — никого.

— Ты же звонил, что придешь с Хаят ханум?

Тут Муса достает из-за пазухи папку с написанными листами и говорит!

— Вот она — «Хаят ханум». Только вчера закончил. Вы будете первыми, кто ознакомится с этой новой пьесой о советской женщине! Таким я помню Мусу Джалиля — простым человеком, любящим иногда подшутить над друзьями.

Джаудат ФАЙЗИ.

Композитор.